

поздравил наторских жителей с великим праздником. Отметил многие значительные трудовые успехи, которых рабочие бригады достигли в растениеводстве и в своём исконно родовом виде деятельности — животноводстве. Пожелал от всей души в Новом году добиться ещё больших производственных показателей, выразил большую надежду о перевыполнении государственного плана по заготовке грубых и сочных кормов на зиму, пожелал каждой семье достатка и здоровья. И когда всем показалось, что он закончил свою короткую речь, то люди, притомлённые всё усиливавшейся жарой, с удовольствием быстро разошлись по всему аласу.

Одни группами в качестве зрителей отправились к месту спортивных состязаний, другие, большей частью молодые жилистые парни, пошли туда же, но с целью в борьбе и в прыжках в длину с завязанными ногами попытаться счастье. Третьи в самой середине аласа, где всего несколько минут назад находилось столько народу, что яблоку негде было упасть, устроили хоровод Осохай. А четвёртые семьями, ведя за руку своих детей, не спеша потянулись к ларькам, в которых можно было купить что-нибудь из якутской сытной еды и, вкусно запивая её кумысом, за тёмными столами, расставленными рядами, подкрепить силы.

Анатолий Петрович, вежливо отказавшись от приглашения Оксаны Яковлевны вместе с другими официальными гостями, возбуждёнными от своих сухих, дежурных, но кажущихся им чрезвычайно важными, достойными самого пристального внимания, речей, отметить праздник в специально построенном крытом павильоне, подошёл к Марии, прикрывающей ладошкой глаза от яркого солнца.

— Припекает!

— То-то ещё будет, ведь время ещё и к полдню не подошло! Но всякая жара легче в движении переносится! Поэтому есть предложение: тебе войти в хоровод, а мне, как в юности, испытать свои силы в прыжках, тем более, что с завязанными ногами! Поверь, это куда трудней, чем с разбегу... Значит и интересней! Ну как?!

— Принимается! Только, пожалуйста, введите меня в круг, а то самой с неприятки как-то уж больно неудобно!

— Нашла чего стесняться! Ну ладно, пошли!

Исполнив просьбу Марии, Анатолий Петрович, прежде чем поспешить к месту прыжковых состязаний, со стороны полюбопытствовал, сумеет ли она быстро подстроиться под нужный ритм танцевального движения. Но было приятно удивлён, ибо ей удалось это сделать так естественно, причём выполняя каждое движение рук и ног легко, выверено и грациозно, будто, родившись якуткой, она глубоко знает обычаи и обряды своего древнего народа. «Какая молодец!» — не без гордости за Марию подумал Анатолий Петрович, чувствуя, что его настроение ещё больше улучшилось.

В приподнятом состоянии духа он одним из последних, по словам произнесённой свою одну из самых известных среди русских фамилий, записался в протокол многочисленных участников прыжков. В основном это были якуты не старше двадцати — двадцати двух лет. Когда они, сбросив рубахи, встали в очередь, то их хорошо развитая мускулатура буграми ходила под уже успевшей загореть кожей, от чего торсы более рельефно выглядели в солнечных жарких лучах и вызывали у зрителей невольный добрый восторг: «Красавцы! Все, как один, словно из стали вылитые!..». А Анатолий Петрович про себя отметил, что ох, как непросто будет с такими могучими молодцами помериться не только силою, но и техническим мастерством, которое, как известно, приобретает лишь со временем и при проявлении волевого упорства в тренировках!

Смысл соревнований состоял в том, что победитель должен с места за десять произведённых подряд толчковых упражнений прыгнуть дальше всех участников соревнования! Из трёх попыток в зачёт шла самая удачная, но это совсем не говорило о возможности дать себе хоть малейшую поблажку, ибо воздух уже прогрелся до

едва колыхавшегося сизого марева и выдохнулся с трудом. Даже у зрителей, почти недвижно следивших за прыгунами, на лбу выступили капельки-росинки пота, а сколько же его прольют соревнующиеся было нетрудно догадаться.

Из всего выходило, что решающими окажутся первые прыжки, если, конечно, удастся на них максимально настроиться, вложить в исполнение их всю духовную и физическую силу, помноженную на мастерство!

Больше двух часов длилось соревнование. Почти да самого конца результат, показанный Анатолием Петровичем в третьей попытке, оставался лучшим. Но вот парнишка якут, шедший третьим, не самого внушительного телосложения, наоборот даже несколько худощавый, но резвый, как бегун на короткие дистанции, прищурился и без того узкие глаза, всей грудью вдохнув горячий воздух, подбадривающие звучные крики и хлёткое, слившееся в волновой гул дружное хлопание сородичей, что есть сил оттолкнувшись, произвёл последнюю попытку.

При приземлении потеряв равновесие, упал, но несмотря на то, что результат не был объявлен судьей, победно вскинул руки, ибо и невооружённым глазом было хорошо видно, что ему удалось приземлиться дальше всех отметин, оставленных в песчаной яме прыгавшими ранее соперниками! Тотчас с импровизированных трибун в виде брёвен и лавок к нему бросились родные, близкие и, не давая подняться, чтобы освободиться от верёвочных пут, порядком натерших ноги, стали радостно обнимать и поздравлять с невероятным успехом! Когда, наконец, страсти сородичей улеглись и они помогли счастливому чемпиону встать, к нему подошёл и Анатолий Петрович. Он не стал, отдавая должное заслуженной победе более удачливого соперника, высказывать искренне щедрую похвалу, а просто крепко, по-мужски, пожал потную руку парня.

Мария, оказавшаяся в одном энергетическом поле танцующих, настолько прониклась своей чуткой душой к древнему обрядовому действию в сопровождении нескончаемой песни олонхосута, что ощутила прилив вдохновенных сил. Благодаря им она стала верить в будущее, которое обязательно обернётся для неё долгожданной счастливой. Но жара давала о себе знать медленно подступающей усталостью, свинцовой тяжестью наливавшейся ноги. И всё равно она бы танцевала и танцевала...

Но в какой-то момент ей подумалось о своём молодом председателе, — и захотелось увидеть его, быть рядом, чтобы если не добрыми словами, то участливым взглядом поддержать. И, сомкнув руки своих соседей, она легко, как бабочка, выпорхнула из хороводного круга. Однако Анатолий Петрович настолько был увлечён зажигательным ходом соревнования, что, сколько она, вставая на носки, чтобы быть лучше видимой, ни смотрела в его сторону, как громко, стараясь своим звонким голосом перекрыть зрительский гул, ни кричала, не видел и не слышал её! И когда стало ясно, что не ему досталась победа, скорей досада на судьбу, чем сожаление о случившемся, тенью омрачила её милое лицо. Но вскоре, подбежав к Анатолию Петровичу, не спеша одевавшего рубашку, по его спокойному, всё ещё сосредоточенному взгляду, но уже говорившему, мол, всё в порядке, я более чем доволен, вдруг почувствовала какую-то неизведанную раньше светлую теплоту в душе... И всё-таки — вот несправимое во веки женская любознательность! — как бы между прочим, тихим голосом, но глубоко участливо спросила:

— Вы сильно расстроились, да?!

— Нет!.. Конечно, если бы я всего несколько часов назад, шибко подгоняемый страстным желанием юности, сломя голову не бросился в реку, на борьбу с её мощным течением и не потратился силами изрядно, то исход соревнований мог бы быть и иным! Даже самая малая победа требует заговоренной концентрации всех духовных и физических сил! С наскоку да на удачу ничего серьёзного добиться невозможно! Это закон жизни, и он, как известно, обсуждению не подлежит, а вот исполнять его надо всегда в полной мере и беспрекословно!

— А вы, Анатолий Петрович — оптимист и, видать, закоренелый! — сказала Мария, но тут же спросила: — А может, просто умеете, как говорится, хорошо держать удар вдруг посуровевшей судьбы?

— И первое, и второе в любом случае считал бы для себя весьма лестным! Верить до конца в свою звезду или оставаться бойцом, пусть на пределе воли, — примеры достойные уважения! Но конкретно сегодняшнее соревнование меня откровенно обрадовало тем, что я, к своему удовольствию, ещё раз убедился в бесконечной неиссякаемости свежих сил, вливающих в нынешнюю жизнь! Это значит, что листва её могучего дерева густа, никогда даже на тон не пожелтеет, не скукожится, а потом и не начнёт мертвенно опадать... Я верно говорю? Ты со мной согласна? Или у тебя есть своё чёткое мнение?

женный, широкоплечий, статный мужчина, ещё не старый, с тёмными густыми бровями, нависавшими над напряжённо глядящими в сторону заходящего солнца узкими острыми глазами, с ровно постриженными усами и квадратным подбородком, обрамлённым чёрной коротко подстриженной бородкой, одетый в суконовую светло-жёлтую кашпошовую шапку и в такого же цвета длинный, почти до пят, суконовый халат с прикреплённой на уровне груди выпуклой круглой медалью, символизирующей восходящее утреннее солнце. Шёл он настолько степенно, важно, с таким достоинством, что у впервые приехавших зрителей невольно складывалось твёрдое впечатление, что сейчас случится что-то очень-очень замечательное.

— Кто это! — коснувшись локтя Анатолия Петровича, едва слышно, но с нескрываемым интересом спросила Мария.

— Ылгысчыт! По-русски — заклинатель!

— А что он будет делать?!

— Подожди немного! Скоро сама увидишь!

Между тем, мужчина, подойдя к котлу, твёрдо взял в левую руку длинную и широкую волосную кисть, напоминающую метёлку, окунул в ёмкость и, пропитав её кумысом, сначала обильно окропил им огонь, а затем светло-зелёную густую траву и молодую клейкую листву ближних деревьев. При этом он постоянно что-то одухотворённо говорил, время от времени

— Кто знает, может быть, и есть, да только я пока его в себе распознать не могу... Значит, остаётся и дальше слушать вас!

— Желание слушать другого — это хорошо! — сказал Анатолий Петрович. — Но совсем замечательно — слышать его!

Когда красноперые, в лучистом ореоле солнце пошло на закат, приспело время и кульминации Ысыаха, заключающейся в обряде окропления огня, символизирующего небесное светило. Он был разведён в большом железном, чёрном, как воронье крыло, котле с в варёными по всей окружности верха коваными из кружковой стали языческими знаками, установленном на кирпичном фундаменте на правой стороне аласа, рядом с медленно погружавшимся в светло-фиолетовый сумрак и потому казавшимся всё таинственней густым лесом. Вокруг буйно зеленела почти вошедшая в полный рост духмяная трава, предусмотрительно, чтобы участники праздника случайно не потоптали её, обнесённая устроителями Ысыаха по кругу пеньковой верёвкой на берёзовых кольях, вбитых в землю. Рядом с котлом стояла эмалированная объёмная ёмкость, наполненная кумысом. На почтительном расстоянии от уже почти сполна разгоревшегося огня в волнующем молчании застыли все многочисленные участники праздника, лишь порой дети шаловливо начинали шуметь, но тотчас, приструнённые родителями, утихали.

И вот на аласе появился крепко сло-

молитвенно вознося руки к тускнеющему высокому небу.

— Как я правильно считаю! — вновь сказала Мария. — Заклинатель только что принёс солнцу бескровную жертву — кумыс! Но я, не зная якутского языка, не понимаю, что он говорит!

— Обращается к верховным божествам — духам огня и земли, — ответил Анатолий Петрович, не отрывая глаз от ылгысчыта. — Он усердно просит их в Новом году ниспослания всему якутскому роду благополучия, размножения приплода скота и лошадей, всяческого изобилия и заслуженных благ! Как только он, низко поклонившись почти зашедшему солнцу, замолчит, можно считать, что празднование Ысыаха закончилось.

И действительно, едва заклинатель смолк, приглашённые гости потянулись к реке, а жители наслега стали расходиться по домам с чувством уверенности в завтрашнем дне. Им непоколебимо верилось, что всё загаданное при привязывании цветных ленточек непременно сбывается, что оттанцевав хоровод Осохай, они значительно укрепили и продлили свою жизнь и она будет исполнена света, добра и любви, что в спортивных соревнованиях, символизирующих борьбу зимы с летом, победило и в этот раз солнечное тепло. И хотя усталость всё больше давала о себе знать, одухотворённые людские души, словно пережив затяжные, нудные дожди, наконец-то зацвели небесной радугой...